

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 47—55.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. 47—55.

Научная статья

УДК 821.111(73)-31:82-84

EDN <https://elibrary.ru/xyeffs>

DOI: 10.46726/И.2026.1.6

МОТИВ ТОСКИ В РОМАНЕ

А. АСИМАНА «ГАРВАРДСКАЯ ПЛОЩАДЬ»

Дана Юрьевна Гагарина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,

г. Саранск, Россия, pd-20042@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить специфику репрезентации мотива тоски в романе американского писателя А. Асимана «Гарвардская площадь». В результате установлено, что, во-первых, мотив тоски предстает в двух взаимосвязанных аспектах: тоска нарратора по дому и потеря искреннего «я». Во-вторых, мотив тоски репрезентован в произведении через рефлексию и ретроспекцию нарратора, который посредством персонажей-двойников сожалеет об ушедшей юности, а также пространство Гарварда, Александрии, Франции: если в Александрии герою видится идеальная модель бытия, то Франция занимает промежуточное положение между утраченной родиной и настоящим, тоску вызывает не подлинный облик страны, но воображаемый. В-третьих, тоска воплощена с помощью прустовских образов памяти, «утраченного времени», которые автор расширяет: в отличие от М. Пруста, писатель осмысливает память как сугубо личную, лирическую категорию, не возводимую на философский уровень. Наконец, мотив тоски переплетается с мотивом пути, что маркируется отсылками к образу Одиссея, но в отличие от героя Гомера, нарратор дома не достигает, ведь его путешествие — это путь к себе, а «чужие земли» — обрывки воспоминаний.

Ключевые слова: современная проза США, мотив тоски, тоpos города, традиция М. Пруста

Для цитирования: Гагарина Д.Ю. Мотив тоски в романе А. Асимана «Гарвардская площадь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 47—55.

Творчество Андре Асимана является одним из наиболее примечательных в современном англоязычном литературном процессе. Помимо научной деятельности и преподавания истории французской литературы, Асиман является писателем и эссеистом, автором романов («Энигма вариации», «Назови меня своим именем» и др.) и сборников эссе. Прозаик неоднократно отмечал, что у него своеобразное понимание процесса написания текстов: «Как только я записываю воспоминание на бумагу, я помню то, что написано на ней, а не действительно произошедшее... акт письма может изменить то, о чем вы писали» [Reese] (*Здесь и далее перевод наш. — Д. Г.*). В России А. Асиман обрел известность с выходом перевода романа «Назови меня своим именем» (2007) и его одноименной экранизации.

Еврей по происхождению, семья которого в 1965 году эмигрировала из Египта, писатель по собственному опыту знает, что такое «изгнание», и до сих пор

© Гагарина Д.Ю., 2026

не может ответить, где его родина, в связи с чем его ключевыми темами становятся идентичность, дом, поиски подлинного «я». Автор с тонким психологизмом исследует человека и его связи с внешним миром. Заметим, что исследователи соизучно говорят об Асимане как об одном из талантливейших прозаиков XXI века, осмысляющего темы ностальгии, эмиграции и национальной идентичности; хронотоп его городов сравнивают с Лондоном Ч. Диккенса, Петербургом Достоевского и Парижем М. Пруста, неоднократно отмечая, что так или иначе все его города (Нью-Йорк, Крема, и пр.) «соперничают с Парижем XIX века и имеют идеальную обстановку для воспроизведения ностальгии любящим героем» [Lesse]. Критики сходятся во мнении, что Асиман является одним из наиболее ярких продолжателей прустовской традиции в современной литературе, называя его «современным Прустом», «поэтом разочарования в любви» [Там же]. Эти аспекты воплощаются во всех романах прозаика, однако наиболее примечательно они репрезентированы, на наш взгляд, в романе «Гарвардская площадь» (2013).

Сюжет романа строится на воспоминаниях безымянного и постоянно «увиливающего» рассказчика об университетском прошлом в Гарварде, которое принесло ему новые эмоции и знакомства, главное из которых — с таксистом Калажем, меняющим на время его жизнь и понимание себя, но бесследно исчезающим из его жизни. Последнее тесно связывается с мотивом тоски и ностальгии. Кроме того, сюжет цикличен: он начинается и завершается в объективном времени, а время внутри ретроспекции (1977 год) хотя и смещается от прошлого к будущему, но всё же образует хронологическую последовательность. При этом характерные хронологические «сбои» и несоответствия происходят из иррационального, но чувственного повествования романов А. Асимана» [Муртазина]. Оговоримся, что репрезентация этого явления справедливо связывается с прустовской традицией, особенно с «потоком сознания», который понимается учеными по-разному: и как технический прием (О. Уоррен), и как жанровая разновидность (И. Сухих), и как художественный принцип. Несмотря на широкое определение феномена, писатель трансформирует его по-своему, исключая такой критерий, как «сложный сдвиг временных слоев». Герои произведений переносятся в прошлое, но хронологическая последовательность событий не нарушается до значительного уровня. Тем не менее, главным отличием романа становится то, что процесс осмысления себя происходит не вследствие влюбленности, а дружбы. Кроме того, впервые «любимый» «представляет себя не как Американский или европейский еврей, а как арабский мусульманин» [Zonana], рассказчик — египетским евреем, эмигрировавшим из Александрии, что позволяет писателю «исследовать знакомую историю по-новому, усложняя и в итоге трансформируя его изображение изгнанного, “обрезанного” еврея, жаждущего целостности и дома» [Там же]. Сам мотив тоски предстает в двух аспектах, взаимосвязанных друг с другом: тоска нарратора по дому и об утрате истинного, искреннего «я», превращении в «эрзац». Мотив и чувство, сопряженное с ним, зачастую выступают в произведении не напрямую, но через размышления, пространство и т. д.

В свою очередь понятие дома является специфическим, с одной стороны — из-за эмиграции, с другой — собственного восприятия времени: «реальное обитаемое пространство в буквальном смысле превращается в улицу между ними [родными домами] ... переходом от памяти и воображения обратно к воображению и памяти» [Асиман 2023b: 177], т. е. нарратор, равно как герои, находится «не здесь, а где-либо в другом месте... Таков мой дом» [Там же]. Писатель не может назвать своим домом и определенное время, поэтому он всегда где-то в промежутке между «двумя иллюзорными временными зонами: ещё нет и “более нет” —

или, если говорить точнее, “более нет”, которое оглядывается назад на то время, когда оно было “ещё нет”, но уже знало, что скоро превратится в “более нет”» [Там же: 76].

Повествование открывается с описания «одиссеи» по колледжам рассказчика и его сына, который, побывав в Гарварде, делает вывод, что не хочет здесь находиться. Само сравнение с Одиссеем не случайно, поскольку он, равно как и нарратор, совершает путешествие по чужим землям, возвращаясь в итоге домой. Однако писатель переосмысливает мотив пути, который обретает психологический оттенок — это путь к себе, а «чужие земли» в данном контексте предстают обрывками воспоминаний. Примечательно и различие между героями: если Одиссей спустя долгое время все-таки возвращается домой, то рассказчик — нет, поскольку его дом никогда не существовал. В то же время мотив связан и с менее отдаленным произведением XIX века «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла. При этом репрезентация «возвещения», вынесенная эпиграфом к последней главе романа приобретает здесь иной оттенок. «Слово» героя не «прямое», но через пребывание в месте, связанном с воспоминанием, поэтому «возвещение» трактуется как обращение к себе. Действительно, размышляя над вопросом, зачем он здесь находится, рассказчик делает неопределенный вывод: «часть моей души хотела, чтобы он пошел по моим стопам <...> может, мне самому хотелось еще раз пройти по собственным стопам ... чтобы расквитаться с прошлым» (7)*. Но ему все же нравится в Гарварде, причем чувство это связывается не с настоящим образом, но с прошлым и тоской по нему, а также с желанием испытать «любовь задним числом», не вспоминая ушедшие дни. Оговоримся, что в творчестве А. Асимана память выступает как сугубо личная, лирическая категория, не возводимая на иной, философский, уровень, в чем одно из ключевых отличий его прозы от произведений М. Пруста.

Но воспоминание возвращается к герою, когда он оказывается напротив кафе «Алжир», вещи в котором «звали» его «к себе через десятилетия». Он также понимает, что хотя и вывеска, и расположение заведения изменились, — это не важно, — ибо значение для него приобретает образ прошлого «Алжира» и себя в нем, настоящего для него не существует. Кафе становится «катализатором» для развития воспоминания и сюжета, причем как в прошлом, так и в настоящем, и позволяет сделать бывшему аспиранту вывод: «Это не мой дом... Это не моя жизнь...» (11). Функция кафе на этом не исчерпывается, ведь оно вводит в роман мотив двойничества. Именно оно является отражением души рассказчика. Но одновременно с ним в объективном времени есть и «двойник-катализатор», персонафицированный — сын. Он также служит оправданием героя за то, что он снова оказался в Гарварде не по собственной инициативе, а также — за воспоминание: «пусть сын станет моим прикрытием» (5).

Один из ключевых двойников рассказчика — его друг Калаж, берберский мусульманин, оказавшийся в США случайно, и как большинство эмигрантов из Ближнего Востока, прошедший сложные «странствия» по странам. Это двойник-антагонист, причем нарратор не раз отмечает их несхожесть: «Я был скован, опаслив, застенчив; он — бесшабашен и безжалостен, чистая пороховая бочка. Он все мысли высказывал вслух. Я свои хранил, точно в сейфе <...> Он... уже успел поговорить едва ли не со всеми в Кембридже; я четыре года проучился в Гарварде, но тем летом... мне не с кем было перекинуться словом» (40). И уже первая их

---

* Здесь и далее текст романа А. Асимана «Гарвардская площадь» цитируется по изданию: [Асиман 2022] с указанием в скобках страниц.

встреча говорит об антагоничности. Так, аспирант, который хочет остаться в одиночестве и почитать в кафе, слышит голос Калажа: «Он сидел ... и говорил по-французски... Он не умел говорить: он строчил из пулемета <...> Дерганые, прерывистые...» (19). Именно тоска по самому себе заставляет рассказчика подойти к незнакомцу, несмотря на застенчивость: «Поначалу меня ... потянула одна вещь <...> было в его тембре и фразировке его речи нечто такое, что перебирало сваленные в кучу древние обломки, напоминая мне о человеке, которым я, может и родился, но которым не стал» (42). Впоследствии это чувство эволюционирует: из тоски по общению до тоски по Александрии. Оно проявляется не как конкретное воспоминание, но как совокупность того, что рассказчик в себе упустил. Последнее связывается, с одной стороны — с национальной идентичностью, с другой — со становлением собственного «я». Кроме того, тоска по Александрии, которая помнится неопределенно, достигается и показывается в разных воплощениях: как кафе «Алжир», впечатление от него, и в образе Калажа, причем они тесно взаимосвязаны. О Средиземноморье в кафе напоминает все — от интерьера до атмосферы: на задней стене фотография Типаза, запах хлорки, песни Брассана. Но главное в заведении — люди и ощущения, которые позволяют рассказчику на время не ностальгировать по другому «я» и неопределенному дому: «заходил в кафе «Алжир», чтобы забрать оттуда человека, которого оставил в Северной Африке, каждый пробирался назад к той точке, где жизнь, видимо, свернула не туда ... мы отыскивали путь к маме» (32). Последнее же особенно примечательно, ибо отождествление дома — матери — женщины проходит через все произведение. Так, рассказчик знакомится со многими девушками, но ощущение «настоящей» испытывает лишь с Нифлуар, уроженкой Ирана, поскольку она позволяет ему на время обрести Александрию и собственный голос: «... впервые испытал безоговорочную душевную связь с женщиной, помимо моей мамы» [Асиман: 104]. С её образом связано и объективное время, связанное с обретением дома. Находясь в настоящем, рассказчик придумывает иную версию своей встречи с Калажем спустя много лет, при этом катализатором воображения является взятый из машины друга стикер, олицетворяющий «послание сквозь время»: «славно, что ты меня нашел... Завел двух дочек. Воспоминания остались хорошие» (217). Примечательно, что женщин две, что символизирует не только обретение Калажем дома, семьи, но и себя. С другой стороны, нарратор только представляет себе эту ситуацию, не встречая друга в реальности, что подтверждает сложность положения всех людей — эмигрантов, и то, что герой так и не утвердился в собственном «я», осознал невозможность обрести дом. Но одновременно с этим воспоминание принесло рассказчику облегчение от тех чувств, и самого факта воспроизведения в памяти прошлого. Это также позволило ему метафорически «полностью принять своего двойника, открыть себя для идентичности, объединяющей мужское и женское, еврейское и арабское, европейское и ближневосточное» [Zonana].

С финалом также связана цикличность повествования и прустовский мотив обретенного времени. При этом весь роман в данном контексте мыслится как поиск утраченного и никогда не существовавшего себя. Образ Александрии, на наш взгляд, тесно связан и с представлением о ней К. Кавафиса, также оторванного от «почвы» грека. Так, в его диптихе «Итака» (1910) — «Покидает Бог Антония» (1911) лирический герой призывает к стоицизму в принятии «утраты» города и к мужеству перед лицом неизбежного, а также «открывает для себя Александрию, как модель мира» [Ильинская: 10]. Герой романа А. Асимана в свою очередь, тоже осмысливает город как логичный исход его жизни, идеальную, но просто существующую на периферии, модель бытия. Он, равно как и лирический герой Кавафиса,

непроизвольно возвращается к ней, тоскует, но и легко отказывается от неё. Кроме того, рассказчик не просто ностальгирует по ней, ее вымышленным локусам, но и наслаждается этим, издеваясь над собой, поскольку чувства приносят боль. Александрия для рассказчика прекрасна именно потому, что не может больше стать домом, он радуется тому, что в отличие от Калажа, перешел «по ту сторону» нового мира.

Однако мотив тоски претерпевает эволюцию, будучи связанным с утратой Франции, причем Александрия не переходит на второй план, а действует одновременно. Франция занимает для героев промежуточное положение между родиной и тем миром, куда они попали, следовательно, и между прошлым «я» и настоящим. При этом тоску и любовь вызывает не настоящий облик страны, но воображаемый, созданный в воспоминаниях: «Францией мы прозвали отчаянную попытку найти в своей жизни хоть какое-то основание...» (44). Именно тоска по воображаемому Парижу, имплицитно заставляет рассказчика поддерживать дружбу с Калажем.

Сам писатель объясняет понимание ностальгии собой и своими героями так: «я тоскую по памяти о тех последних днях в Александрии, когда я уже предчувствовал, как буду смотреть из Европы вспять на ту самую Александрию, которую мне так не терпелось утратить. Я тоскую по себе, ищущему того меня, которым я стал теперь» [Асиман 2023а: 9]. Причем страна для писателя становится родной благодаря тому образу, какой он выстраивает: «тоскую по Франции, которой никогда не существовало...и все-таки она есть где-то там, на пути между Александрией, Парижем и Нью-Йорком, притом что я не смогу точно указать ее местонахождение... Это Франция вымышленная» [Там же: 6]. Также страна для прозаика и его героев (рассказчик в романе представляется французом, не понимая кто он) выступает в функции самопознания, рефлексии, поиска национальной идентичности: «это был ... способ существования в мире, который заставил меня полюбить его и себя самого» (49). Именно такое представление о стране становится связующим между главными героями, ибо они оба «боготворили» Францию ещё до того, как сами туда попали. Страна в свою очередь приобретает новые символы и метафоры: кафе «Касабланка», «щасливый час» и др. Значим именно психологический хронотоп Франции, созданный воспоминаниями, ассоциациями и т. д. В отсылках к ней выстраивается новый вид Гарварда, который теперь, вместе с этими «отголосками», заставляет героя почувствовать себя спокойнее и свободнее. Кроме того, тоска «обретает» явное воплощение в образе Калажа. Его понимание этого чувства иное, ибо связывается со страхом депортации, при этом постоянно вспоминая, что видел мир. Рассказчик неоднократно отмечает, что судьба друга может стать также и его (изгнание из США, потеря работы). Имплицитно именно из-за страха за свое пребывание в стране нарратор отдалается от Калажа. Дружба таксиста и главного героя строится на колебании, при этом «сближение» происходит вследствие желания вернуться к своему настоящему «я»; «отдаление», с одной стороны, из-за тяги к социальному укоренению, к культуре и к «другому Американскому я», с другой стороны, из-за боязни потерять все то, что он уже обрел в Гарварде.

Весьма примечательно и «стремление» нарратора к Америке. Оговоримся, что оно и у главных героев имеет лишь отдаленную связь с понятием “the American dream”, утверждающего на разных этапах своего осмысления общую мысль о свободе, равенстве в труде и вере в свои силы. Связь эта заключается в двух противопоставленных образах: нарратора и его друга. Так, Калаж, его судьба (депортация, разочарование в США и т.д.) становится отрицательным аспектом этого явления, доказывая тезис о невозможности равных прав, свободы и пр. Тем не менее, полная

реализация феномена невозможна, поскольку, во-первых, нарратор и Калаж верят не столько в Америку, сколько в возможность укорениться хоть где-нибудь и почувствовать себя приближенно к Средиземноморью, Франции, к стабильности. Во-вторых, реализация не происходит из-за сложности определения национальности самого прозаика, не причисляющего себя ни к какой национальной литературе: «я не американский писатель, не французский и не итальянский» [Shafaieh]. Таким образом, Асиман «является представителем интернациональной литературы, чьи труды нельзя отнести к плодам одной или двух национальных литератур: в его англоязычной прозе проявляется тяга к родному еврейскому народу, как к главному источнику, вдохновившему на создание персонажей, и к европейскому типу мышления, который свойственен и самому автору, и его героям» [Муртазина]. Но ведущее место в произведениях автор отводит именно теме самопознания, изображению личных чувств, зачастую не связанных с происхождением. Помимо этого, Америку в понятии “the American dream” метафорически замещает и заменяет Франция, выводя на передний план условную «the France dream». Суть её — в мечте о несуществующем Париже и опора на эту вымышленную страну, как на катализатор поступков рассказчика.

Несмотря на встречу с научным руководителем и на понимание собственного чувства, нарратор отдаляется от Калажа, поскольку обретает собственный голос. Ему более не нужен двойник, но эйфория от самоутверждения проходит, поскольку «не подпитывается» со стороны. Поэтому отношения рассказчика и его друга развиваются, и в какой-то момент он понимает, что счастлив. Это происходит во время внезапной поездки за город. Так, общество Калажа и их друзей-девушек, помогает рассказчику принять иной дом таким, какой он есть, даже фикциональный: «Если я и не знал, к какому лагерю принадлежу — к Лоуэлл-Хаусу или к Калажу, — я уж всяко не имел ничего против того, чтобы снова челноком между ними, стоять в каждой одной ногой, потому как принадлежу к обоим, а значит, ни к одному — это как иметь дом, где не чувствуешь себя как дома» (136). При этом принятие состояния «между» становится решающим в поведении героя и обусловлено его характером: человек он крайне нерешительный, и его состояние «повременить» заключается не только в ожидании подходящего момента, но и в том, чтобы избежать его. Здесь очевидна параллель между «Гарвардской площадью» и «Адольфом» Б. Констана, где «коллизия вечной жажды недостижимого и ускользающего и мгновенного охлаждения к достигнутому облегчаются в психологические формы, которые предстают нам, как прустовские» [Гинзбург: 279]. Примечательно, что именно из-за медлительности в финале произведения, герой Асимана не может испытать полноценную грусть от депортации Калажа. Кроме того, он тоскует и по «будущему себе», который сможет вспоминать с грустью о друге. Однако решающим в отсутствии чувств оказывается понимание того, что он уже стал частью нового не-средиземноморского общества, в котором ощущает себя комфортно и признается себе в этом: «Я стал одним из «них»... вот только сам этого не знал или отказывался признавать, пока не встретил Калажа и не утратил...» (212). Его друг таксист первым упоминает о «медлительности» как свойстве характера. Для него оно заключается, с одной стороны, в тактике поведения с женщинами, с другой же — в уклонении от общества, к которому он имплицитно стремится стать ближе: «я понял Калажа. За огульным отрицанием Америки скрывалось отчаянное желание не сдать в случае, если Америка откажется ему потворствовать <...> Калаж предпочитал первым повернуться спиной, в надежде: а вдруг Америка все-таки попросит его взглянуть на нее более благосклонно» (134). Рассказчику становится ясна не только условно «реальная»

суть характера друга, но и воображаемая: «принижая Америку и обзывая «амерлоками» все несовершенное в этом мире, он как бы создавал для себя воображаемое средиземноморское «я» ... нечто, чего, наверное, никогда не существовало, но ему-то требовалось верить, что оно где-то там, на воображаемом ином берегу, потому что в противном случае некуда... будет ему прибиться в случае, если Америка повернется к нему спиной» (135). Примечательно, что принятие страны начинается именно на пикнике: Калаж пробует американскую еду (нектарин, который он ранее считал «самым эрзацным фруктом») и признает ее вкусной. Сам фрукт тоже важен, поскольку выполняет функцию плода дерева познания, где последнее — американское общество. С другой стороны, в этом романе А. Асиман продолжает метафору «фрукт-чувство», начатую в «Назови меня своим именем» (персик — метафора сексуального влечения Элио), но здесь фрукт осмысливается как «иной мир» и одновременно — как метафора дружбы. Но наибольшее «сближение» с не-страной происходит в момент, когда он устраивается преподавателем французского в Гарвард, становясь «полноправным» членом иного общества: «Ему открылся совершенно новый мир, и было видно: в душе его поселились восторг и благоговение» (186). Причем герой считает прекрасным все фикциональное, маркирующее его «ненастоящность»: «Но получив в этот Свет приглашение-пусть даже лишь с правом взглянуть одним глазком ... он немедленно обратился в новую веру ... в глубине души он только и ждал, когда ему дадут возможность принести клятву верности» (188). Примечательно, что «принятие» происходит вслед за переломным моментом, играющим важную роль как в архитектонике произведения, так и в психологическом состоянии героев. К примеру, Калаж и рассказчик устраивают большую вечеринку со всеми друзьями, на которой лучше узнают друг друга, веселятся. Однако с самого начала встречи Калаж ведет себя странно, почти не разговаривает, что замечает рассказчик. Апогея это достигает во время прослушивания песни У. Кульсум и разговоре о женщинах, соотносящихся с родным домом. Калаж замыкается в себе и уходит в спальню, при этом рассказчик решает поддержать его и во многом потому, что понимает, как это чувствовать себя чужим. Именно тоска играет важную роль в момент, когда нарратор и Калаж остаются наедине. Последний грустит не столько о том, что он на встрече чужой, сколько о том, что будет тосковать о ней после, если его депортируют: «... и все так хорошо: а я-то что? <...> Год спустя меня здесь не будет. Вы все останетесь, а меня среди вас не будет. Я так страшно буду по всему этому тосковать. <...> Обо мне хоть кто-нибудь подумал?» (151). Обреченность и тоска Калажа становятся главными факторами для понимания рассказчиком своего места в этом новом мире, а также осознании их двойственности: «Глядя на него, я, по сути, глядел на себя. Он был мерилом того, как близок я к мучительной грани, за которой можно рассыпаться на части и утратить все, что у меня здесь есть. Он — моя участь, но на три шага вперед» (154). При этом важна антитеза между настоящими эмоциями Калажа и тем, как он их показывает, в чем также выражена его фикционность: «я понял: передо мной самый одинокий человек из всех, кого я когда-либо знал, и весь этот гнев, горе, страх ... ничто по сравнению с вихрем одиночества и отчаяния, который овевает его каждую минуту каждого дня» (153). Все это в совокупности позволяет нарратору не только почувствовать эмоциональную близость, но и проявить тактильность, нехарактерную для него, после чего страх Калажа перерастает в гнев и он избивает друга — Клода. Но этот, на первый взгляд, ужасный поступок, приближает рассказчика к другу, заставляет защищать его от депортации. Происходит же это из-за схожести судеб героев, ирреального двойничества. Именно их несхожесть и понимание этого рассказчиком заставляет его сделать

для себя вывод о том, что Калаж ничего не изменил в его истории: «До меня дошло: похоже, такова его участь. Неважно, сколько времени ты с ним знаком, как сильно он взбаламутил мир тех, кто его окружает, — настает момент, когда он выскальзывает из твоей жизни, и все в ней возвращается на круги своя. Несмотря на его старания перекроить мир по собственному подобию, он проходит незаметно...» (162). На наш взгляд, очевидна манифестация неспособности эмигранта, изгнанника, повлиять на мир, укорениться в нем, и одновременно судьба Калажа становится собирательным образом большинства выходцев из Средиземноморья. Отсюда — отсутствие имен у главных героев. С депортацией Калажа тесно связан и сюжет о блудном сыне, поскольку герой после долгих испытаний (посещение множества стран) в итоге возвращается к истинной вере (Средиземноморью).

Итак, мотив тоски в романе А. Асимана «Гарвардская площадь» связывается в первую очередь с репрезентацией образов Франции, Александрии, которые являются ключевыми в осознании нарратором своего места в новом доме; а также представлен в образе двойника героя — Калажа, утраченного и не обретенного вновь.

Список источников

- Асиман А. Homo irrealis. М.: Popcorn Books, 2023a. 186 с.
 Асиман А. Алиби. М.: Popcorn Books, 2023b. 201 с.
 Асиман А. Гарвардская площадь. М.: Popcorn Books, 2022. 210 с.
 Aciman A. False papers: essay on exile and memory. NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2000. 182 p.
 Reese H. An Interview with André Aciman. Los Angeles Review of Books. 2013. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/the-finished-copy-an-interview-with-andre-aciman/> (дата обращения: 05.08.2025).

Список литературы / References

- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Художественная литература, 1977. 470 с. (Ginzburg L.Ya. On psychological prose, Moscow, 1977. 470 p. — In Russ.)
 Ильинская С.Б. Русская кавафиана. М.: ОГИ, 2000. 656 с. (Ilyinskaya S.B. Russian Kavafiana, Moscow, 2000, 656 p. — In Russ.)
 Муртазина А.Р. Поэтика романов Андре Асимана. СПб: СПбГУ, 2021. 101 с. (Murtazina A.R. The Poetics of Andre Aciman's Novels, St. Petersburg, 2021, 101 p. — In Russ.)
 Lesse W. Terra Incognita, *The New York Times*, 2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/09/10/books/terraincognita.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 05.08.2025).
 Shafaieh C. Andre Aciman. *Kinfolk*, Copenhagen: Ouur, 2018, vol. 29, pp. 134—143.
 Zonana J. “Enta Omri, You Are My Life”: Embracing the Arab Self in Andre Aciman’s *Harvard Square*, *Penn State University Press*, 2016, no. 1, vol. 35, pp. 33—51.

THE MOTIF OF LONGING IN A. ACIMAN’S NOVEL “HARVARD SQUARE”

Dana Yu. Gagarina

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, pd-20042@mail.ru

Abstract. The article aims to identify the specifics of the representation of the motif of longing in the novel “Harvard Square” by the American writer A. Aciman. As a result, it was established that, firstly, the motif of longing appears in two closely interconnected aspects: the narrator’s longing for home and the loss of the authentic self. Secondly, the motif of longing is represented in the work through the narrator’s reflection and retrospection, who, through doppelganger characters, regrets his

lost youth, as well as through the spaces of Harvard, Alexandria, and France: if in Alexandria the narrator sees an ideal model of being, then France occupies an intermediate position between the lost homeland and the present; longing is caused not by the authentic appearance of the country, but by the imagined one. Thirdly, it's embodied through Proustian images of memory and "lost time", which A. Aciman expands: unlike M. Proust, the writer understands memory as a purely personal category, not elevated to a philosophical level. Finally, the motif of longing intertwines with the motif of the journey, marked by references to the image of Odysseus; however, unlike the Homeric hero, the narrator of novel doesn't find a home, as his journey is a path to himself, and the "foreign lands" — fragments of memories.

Keywords: contemporary US prose, motif of longing, topos of the city, M. Proust's tradition

For citation: Gagarina D.Y. The motif of longing in A. Aciman's novel "Harvard Square", Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2026, iss. 1, pp. 47—55.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Гагарина Дана Юрьевна — соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия, pd-20042@mail.ru, SPIN: 7390-5428

Gagarina Dana Yurievna — Applicant for the of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, pd-20042@mail.ru